

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разговор первый

Макиавелли

Мне сказали, что на этом скудном берегу я могу повстречать тень великого Монтеस्कье. Не он ли передо мной?

Монтеस्कье

Слово «великий» никому тут не пристало, Макиавелли. Но я тот, кого вы ищете.

Макиавелли

Среди теней достойных личностей, населяющих царство тьмы, едва ли найдется одна, повстречать которую мне хотелось бы больше, чем Монтеस्कье. Зброшенный в эти незнаемые дали вечным круговоротом теней, я воздаю хвалу случаю, столкнувшему меня с автором «Духа законов».

Монтеस्कье

Бывший статс-секретарь Флорентийской республики еще не забыл придворного языка. Но о чем говорить нам, бродя по этим мрачным берегам, кроме наших страданий и бедствий.

Макиавелли

И это слова философа, государственного деятеля? Что смерть человеку, жившему духовной жизнью, ведь дух не умирает? Что до меня, то я бы не желал ничего лучшего, чем то положение, которое уготовано нам тут до дня Страшного суда. Быть свободным от забот и нужд

земной жизни, жить в царстве чистого разума, беседовать с великими мужами, имена которых некогда славились во всем мире; издалека следить за революциями, за падением и изменением империй, раздумывать о новых конституциях, об изменениях в нравах и мыслях европейских народов, о достижениях их цивилизации в культуре, политике, искусстве, промышленности, как в равной степени и в области философской мысли, — что за праздник для мыслителя! Сколько удивительного! Сколько новых мнений! Какие неожиданные откровения! Что за чудеса, если только можно верить теням, спускающимся к нам сюда! Смерть подобна для нас возврату к глубокому покою, в котором мы можем завершить свои труды и упорядочить уроки истории и достижения гуманности. Наш конец не в силах разорвать все нити, связывающие нас с землей; потомки продолжают говорить о тех, кто, подобно вам, поверг человеческий дух в величайшее замешательство. Сейчас ваши политические принципы покорили почти половину Европы; и уж если кто и может быть свободен от страха, нападающего на идущего неизвестным путем в преисподнюю или на небеса, то, разумеется, вы, предстоящий перед высшим судьей в ореоле столь незапятнанной добродетели!

Монтескье

Но вы ничего не сказали о себе, Макиавелли. Не будьте чрезмерно скромны, помяните и то чрезвычайно большое уважение, которым пользуется автор книги о государе.

Макиавелли

По-моему, в ваших словах таится ирония. Неужто великий французский знаток науки о государстве судит, как толпа, которой известны лишь мое имя да предвзятое мнение обо мне, принятое без рассуждений, на веру? Эта книга, я знаю, принесла мне роковую известность. Она возложила на меня ответственность за всякую тиранию. Она навлекла на меня проклятие народов, видевших во мне воплощенный деспотизм, им ненавистный. Она отравила мои последние дни, и сдается, что проклятие потомков преследует меня и здесь. Но что же такое я сделал? Я пятнадцать лет служил моему отечеству, а оно было республикой. Я принял участие в заговоре, чтобы сохранить его независимость, я неустанно защищал его от Людовика XII, от испанцев, от Юлия II, даже от Борджиа, который уничтожил бы его, не будь меня. Я защищал его от всех

кровавых интриг, которыми его опутывали, и боролся при этом дипломатическими средствами так, как другой сражался бы со шпагой в руках: заключением договоров, переговорами, заключая и нарушая соглашения в интересах республики, которую тогда утесняли великие державы, а войны швыряли, как волны утлую ладью. И то правительство, что мы имели во Флоренции, не было тиранским или самодовольным; у нас было демократическое государство. Разве принадлежал я к тем, кто меняет свой нрав при перемене фортуны? Палачи Медичи отыскиали меня, когда свергли Содерини. Рожденный в свободе, я погиб вместе с нею. Я жил в изгнании, и ни один властитель не остановил на мне взора. Я умер в бедности и забвении. Вот моя жизнь, и вот те преступления, что приписывают мне неблагодарное отечество и полные ненависти потомки. Возможно, небо будет ко мне справедливее.

Монтескье

Макиавелли, мне известно все это, потому-то я и не мог никогда понять, как флорентийский патриот, как слуга республики мог стать основателем той мрачной школы, в которой обучаются все венценосцы и которая оправдывает величайшие святотатства тирании.

Макиавелли

А если я скажу вам, что эта книга — всего лишь фантазии дипломата, что она никогда не предназначалась для печати, что одобрение, доставшееся на ее долю, не разделяется автором, что он создал ее под влиянием идей, которые обуревали тогда всех итальянских князей, стремившихся упрочить свою власть за чужой счет и руководимых коварными политиками, из которых подлейший почитался самым искусным...

Монтескье

Вы и в самом деле так думаете? Раз вы столь откровенны со мной, то могу сознаться, что и я придерживался того же мнения и разделял при этом мнение тех, кто знал вашу жизнь и внимательно прочел ваши сочинения. Вот так, Макиавелли, и это признание к вашей чести. Тогда вы говорили не то, что думали, или же вы высказали это под влиянием личных впечатлений, на миг замутивших ваш ясный ум.

Макиавелли

Тут вы заблуждаетесь, Монтескье, и следуете примеру тех, кто судил подобно вам. Мое единственное преступление в том, что я говорил правду народам и королям, не правду о морали, а правду о политике, не правду о том, что должно быть, а правду о том, что есть и будет всегда. Не я основатель учения, приписываемого мне; это сердце человека. Макиавеллизм старше Макиавелли.

Моисей, Сезострис, Соломон, Лизандр, Филипп и Александр Македонские, Агафокл, Ромул, Тарквиний, Юлий Цезарь, Август и Нерон, Карл Великий Теодорих, Хлодвиг, Гуго Капет, Людовик XI, Гонсало Кордовский, Цезарь Борджиа — вот мои духовные предшественники. От них, от лучших из них и происхожу я, заметьте при этом, что я не упоминаю тех, кто пришел после меня. А перечень их имен был бы длинен. Из книги о государе они позаимствовали лишь то, что и без того знали уже из практической власти. Кто в ваше время был более восторженным моим почитателем, чем Фридрих II? Заботясь о популярности, он опровергал меня в своих сочинениях, но в политике строго следовал моим урокам. Каким причудам человеческого духа приписать то, что написанное в этой книге ставится мне в вину? Равным образом можно винить ученого, изучающего физические причины падения тел, когда нас зашибет падающим телом; врача, описывающего болезнь; химика, составляющего историю ядов; моралиста, изображающего пороки; историка, пишущего историю.

Монтескье

Полно, Макиавелли! Жаль, что здесь нет Сократа, чтобы изобличить софистику ваших слов! Хоть от природы я не слишком способен к дискуссиям, все же мне совсем не трудно возразить вам. Вы уподобляете зло, коренящееся во властолюбии, коварстве и насилии, яду и болезни. И по вашим книгам можно научиться заражать государства этими болезнями, вы учите составлять такие яды. Когда исследователь, врач, моралист изучают зло, они вовсе не собираются преподать урок его распространения, но имеют в виду излечить его. А ваша книга не делает этого. Впрочем, мне это безразлично, я не хочу из-за этого терять душевный покой! Если вы не возводите деспотизм в принцип, если вы сами почитаете его злом, то тем самым вы и осуждаете его — на этом, по крайней мере, мы можем сойтись.

Макиавелли

Нет, Монтескье не можем; вы совершенно не поняли хода моей мысли. Я дал маху, приведя сравнение, которое столь легко опровергнуть. Сама по себе сократовская ирония меня не тревожит, он ведь тоже был софистом и только ловчее других пользовался обманными приемами, а именно полемике ни вы, ни я не учились у него. Так оставим слова и сравнения, займемся идеями. Я следующим образом сформулирую свою систему, и очень сомневаюсь, что вам удастся ее поколебать: дурные инстинкты в человеке сильнее, чем добрые. Человек более склонен к злу, чем к добру. Страх и власть имеют для него большее значение, чем разум. Я не буду доказывать эти прописные истины. На вашей родине попытаться их опровергнуть могла бы только та легкомысленная компания, первосвященником которой был Ж. Ж. Руссо, а апостолом — Дидро. Все люди стремятся к власти, и нет среди них того, кто не стал бы угнетателем, если бы мог им стать. Все, или почти все, готовы пожертвовать правами других ради собственных интересов. Что же удерживает вместе этих хищников, зовущихся людьми? При возникновении государств это грубое и необузданное насилие, позже — закон, стало быть, тоже насилие, только введенное в определенные рамки. Вы ведь изучали историю от самого ее возникновения: насилие повсюду предшествует праву.

Политическая свобода — идеал, имеющий лишь относительную ценность. Государствами и людьми правит необходимость.

Под определенными широтами в Европе живут народы, которые просто не способны пользоваться свободой умеренно. Начинается гражданская братоубийственная война, и государству конец; оно раскалывается на партии и распадается от внутренних потрясений, или же раскол делает его добычей других держав. В таком положении народы предпочитают анархии деспотизм. Разве они правы?

Едва образовавшись, государство вынуждено вступить в борьбу: ему угрожают враги изнутри и снаружи. К какому оружию прибегнуть в борьбе с заграницей? Разве предводители враждующих армий сообщают друг другу свои диспозиции, чтобы каждый из них мог приступить к обороне? Разве они откажутся от ночных вылазок, нападений, резервов в засаде, схваток при неравных силах? Наверняка они не сделают этого. Они лишь выставили бы себя на посмешище. И почему вы полагаете, что эти засады, эти обходные маневры, необходимые во время войны, нельзя применить против внутреннего врага, против смутьянов? Конеч-

но, в этом случае правила не будут соблюдаться столь же строго; но суть их от этого не изменится. Возможно ли руководить при помощи чистого разума грубыми массами, движимыми чувствами, страстями и предрассудками?

Не важно, управляет ли государством единовластный правитель, небольшая группа или весь народ — ни одна война, торговая сделка, внутренняя реформа не увенчается успехом без помощи таких средств, которые вы на словах отвергаете, но к которым не преминули бы прибегнуть, если бы король Франции удостоил вас хоть малейшего государственного поручения.

Ну разве не ребячлив упрек, предъявляемый книге о государе? В ней, видите ли, говорится о том, что политика не имеет ничего общего с моралью. А вы видели когда-нибудь хоть одно-единственное государство, основанное на принципах морали частного лица? В этом случае преступлением была бы любая война, даже справедливая; каждый захват, не имеющий иных причин, кроме жажды славы, был бы кощунством; каждый договор, по которому одна из держав получает большие преимущества, был бы постыдным обманом; всякий захват суверенной власти был бы деянием, караемым смертью. Законным было бы только то, что основано на праве. Однако я уже сказал вам и повторю то же самое, имея в виду историю этого времени: источник всех суверенных держав — насилие, или, иными словами, отрицание права. Означает ли это, что я отрицаю право? Нет, я полагаю только, что оно применимо в определенных границах, при сношениях народов друг с другом или при сношениях правительства с подданными.

Да и само значение слова «право»: разве вы не замечаете, что оно несколько туманно? Где оно начинается, где оно кончается? Когда право появляется, а когда его нет? К примеру, представим себе государство. Скверная организация общественных институтов власти, неразбериха демократии, бессилие закона против подстрекателей приближают его гибель. Тут из рядов аристократии или народа выдвигается отважный муж. Он нарушает конституцию, он меняет законы, он изменяет все и дарит своей отчизне двадцать мирных лет. Имеет ли он право на то, что делает?

Писистрат обманом захватил афинский Акрополь; тем самым он подготовил век Перикла. Брут нарушил монархическую конституцию Рима, изгнал Тарквиниев и кинжалом основал республику, величие которой есть возвышеннейшая картина мировой истории. Но борьба плебеев и патрициев, продолжавшаяся во все времена существования рес-

публики, ослабила ее и в конце концов погубила. Появляются Цезарь и Август. Это тоже насильники. Но Римская империя, наследовавшая республику, была столь же долговременной, а, рухнув, покрыла весь мир своими обломками. Итак? Было ли право на стороне этих отважных мужей? По-вашему, нет. И, тем не менее, потомки прославляют их. Они поистине служили своей стране и спасли ее. Они на столетия продлили ее существование. Видите, в случае государства принцип права подчинен принципу пользы, и из этого следует, что добро может проистекать из зла, что к добру приходят через зло подобно тому, как лечат ядом, как спасают жизнь острым ножом. Тем, что хорошо и морально, я занимался меньше, чем тем, что полезно и необходимо. Я принимал человеческое общество таким, каково оно есть, и я установил для него правила, вытекающие из его сущности. Чисто теоретический вопрос: дурны ли насилие и коварство? Да, но их нужно использовать, если хочешь править людьми, пока люди не стали ангелами.

Все может быть хорошим или дурным в зависимости от употребления и полученного результата; успех оправдывает средства. А если вы теперь спросите меня, отчего я, республиканец, предпочитаю все же абсолютистскую форму правления, то я вынужден буду ответить: потому что на родине я был свидетелем непостоянства и трусости черни, ее врожденной рабской психологии, ее неспособности постичь и чтить условия, при которых можно жить свободно. В моих глазах это слепая сила, которая рано или поздно придет к концу, если только не попадет в руки одного-единственного человека. Ручаюсь вам, что предоставленный сам себе народ не способен ни на что, кроме саморазрушения, что он никогда не сможет править, судить, вести войну. Должен сказать вам, что Греция блистала только в те эпохи, когда была свободна, что без деспотизма римской аристократии, а позже без деспотизма императоров никогда бы не было блестящей культуры.

Следует ли мне еще привести в пример современное государство? Примеры так разительны и многочисленны, что я прибегну к первому попавшемуся. При каких конституциях и при каких правителях достигли расцвета итальянские республики? При каких правителях были заложены основы последующего могущества Испании, Франции, Германии? При таких, как Лев X, Юлий II, Филипп II, Барбаросса, Людовик XIV, Наполеон — это всё люди со стальным кулаком, полагавшиеся больше на помощь своего меча, чем на конституции своих государств. Однако я сам дивлюсь тому, что говорю так долго, чтоб убедить слушающего меня известного автора. Если мне правильно говорили, то часть моих рассуж-

дений содержится в «Духе законов». Не раздражила ли эта моя речь серьезного и спокойного ученого, который столь бесстрастно размышлял о проблемах политики? Энциклопедисты не были похожи на Катона, автор «Персидских писем» — не святой, даже не фанатик. Наша школа, именуемая отрицающей мораль, похоже, более придерживалась истинного Бога, чем философы восемнадцатого столетия.

Монтескье

Ваши последние слова, Макиавелли, отнюдь не вывели меня из равновесия, и я внимательно слушал вас. Не хотите ли выслушать меня и позволите ли говорить с той же откровенностью?

Макиавелли

Я умолкаю и с молитвенным молчанием внимаю тому, кого именовали законодателем народов.

Разговор второй

Монтескье

Ваши мысли, Макиавелли, не новы для меня, и если я сейчас в некотором замешательстве по поводу того, как вас опровергнуть, то не потому, что вы смутили мой разум, а потому, что мысли ваши, верны они или неверны, лишены всякой философской основы. Я, конечно, понимаю, что вы в первую очередь политик, а не теоретик, и факты вам ближе, чем теории. Но все же согласитесь: в том случае, когда речь идет о правлении, следует ориентироваться на принципы. В своей политике вы не оставляете места ни морали, ни религии, ни праву. На устах у вас всего два слова: власть и коварство. Если ваша система ограничивается разъяснениями того, что власть играет большую роль в делах человеческих, что хитрость — качество, необходимое государственному мужу, то судите сами: все это истины, не нуждающиеся в доказательствах. Но если вы делаете насилие принципом, а коварство максимой, если при составлении законов вы вообще не берете в расчет гуманность, тогда право тирании есть не что иное, как право диких зверей, поскольку

звери тоже сильны и ловки, и действительно не знают другого права, кроме грубого насилия. Но мне не верится, что вы заходите так далеко в своем фатализме: вы ведь признаете существование добра и зла.

Вы исходите из того, что добро может вытекать из зла и что можно творить зло, если может получиться что-то хорошее. То есть вы не утверждаете: само по себе хорошо нарушать слово, хорошо прибегать к подкупу, преступлению, убийству. Вы говорите: можно предать, если это полезно, убить, если это необходимо, завладеть достоянием ближнего, если это выгодно. Добавлю сразу, что в вашей системе это допустимо только для государя и только в том случае, если речь идет о его интересах или же интересах государства. Следовательно, государь имеет право нарушать свои клятвы; он может потоками проливать кровь, чтобы добиться власти или удержать ее; он может грабить тех, кого чтит, он может ниспровергнуть все законы, издать новые и вновь преступить их; он может расточать государственную казну, подкупать, вымогать, карать и постоянно преследовать.

Макиавелли

Но разве не говорили вы сами, что в государстве, управляемом деспотически, государь необходим, добродетель излишня, чувство чести опасно, что требуется слепое послушание и государь погибнет, успокоившись хоть на минуту?¹

Монтескье

Конечно, я сказал это. Но когда я, подобно вам, констатировал внушающие ужас условия, при которых может существовать тирания, то делал это, чтобы заклеить ее, а не возвести на пьедестал. Я делал это, чтобы внушить моему отечеству отвращение к ней, чтобы его глава никогда не склонилась под ее ярмом. Как можете вы не понимать, что насилие представляет собой всего лишь исключение в закономерном развитии человеческого общества, что величайшие тираны вынуждены искать себе оправдание в идеях, весьма далеких от теории насилия. Все угнетатели ссылаются не только на свою выгоду, но и на обязанность. Следовательно, само по себе учение о выгоде так же бездоказательно, как те средства, что вы используете для его обоснования.

¹ *Дух законов. Книга III. Глава 9.*

Макиавелли

Тут я позволю себе вас прервать. Вы придаете выгоде определенное значение, а этого довольно, чтобы оправдать любую политическую необходимость, не согласующуюся с правом.

Монтескье

Вы ссылаетесь на государственные интересы. Но согласитесь, что я не могу выдвигать в качестве основы общества то, что его разрушает. Во имя выгоды государи и народы, как и отдельные граждане, способны только на преступления. Вы говорите: государственные интересы. Но как могу я судить, зачем нужна государю та или иная несправедливость? Разве нам не известно, что государственные интересы слишком часто оказываются интересами государя или его развратных фаворитов? Я избегаю подобных заблуждений, положив в основу общества право, поскольку право устанавливает границы — границы, преступить которые не смеет личная заинтересованность.

А если вы спросите меня, что есть основа права, то я отвечу вам, что это этика, заповеди которой ясны и однозначны, поскольку содержатся во всех религиях и запечатлены сверкающими буквами в совести человеческой. Из этого чистого источника должны проистекать все гражданские, политические, экономические, международные законы.

И здесь вы становитесь непоследовательны. Вы католик, вы христианин, мы оба молимся одному и тому же Богу, вы признаете его заповеди, признаете мораль, признаете право в отношениях между людьми, и вы попираете все эти нормы ногами, чуть речь зайдет о государе или государстве. Одним словом, по-вашему, политика не имеет ничего общего с моралью. Вы позволяете монарху то, что запрещаете подданным. В зависимости от того, кем совершается поступок — сильным или слабым, — он вызывает ваше одобрение или порицание. Это добродетель или преступление лишь в зависимости от ранга деятеля. Государя вы хвалите, а подданного отправляете на галеры. Но при этом вы не думаете о том, что на таких основаниях не может существовать ни одно человеческое общество. Неужели вы полагаете, что подданный будет долгое время хранить верность своей присяге, если увидит, как ее нарушает государь, что он будет чтить законы, если узнает, что тот, кто дал их ему, сам преступил их и преступает ежедневно? Неужели вы полагаете, что он будет колебаться, вступая на путь насилия, подкупа и обмана, если увидит, как этим путем идет тот, что призван руководить им? Не

предавайтесь самообману. Вы должны согласиться, что каждое злоупотребление государя в делах государства приведет к такому же противоправному поступку подданного, что каждая политическая подлость повлечет за собой такую же в гражданской жизни, что каждый акт насилия наверху оправдывает насилие внизу. Вот что можно сказать об отношениях граждан между собой.

Что же касается их отношения к правителю, то тут все ясно: в недрах такого общества зреет гражданская война. Молчание народа — лишь покорность побежденного, которого лишили права жаловаться. Подождите, пока он проснется. Вы создали теорию насилия, и вы с уверенностью можете рассчитывать на то, что народ усвоит ее. При первом же удобном случае он разорвет свои оковы. Он разорвет их, как только представится малейший повод, и силой вернет себе то, что силой же было у него отнято.

Деспотизм основывается на послушании трупа, которого требуют иезуиты. Его закон: убивать или быть убитым. Сегодня он сеет насилие, завтра разгорается гражданская война. Во всяком случае, так развиваются события в их широтах. На востоке народы мирно спят в недостойном порабощении.

Государь не может позволить себе того, что не дозволено подданным: вот мой вывод. Он справедлив. Вы думаете, что сможете привести меня в замешательство, сославшись на пример многих великих мужей, кои отважными деяниями и насилием над законом принесли своим странам мир, а иногда и славу: вот ваше великое доказательство того, что добро проистекает из зла. Но вы не доказали мне, что эти мужи принесли больше добра, чем зла. Отсюда никоим образом не следует, что без них народы не защитили бы и не спасли себя. Лекарство, употребляемое вами, бессильно против ростков гибели, возвращаемых вами. Зачастую несколько лет анархии менее разрушительны для государства, чем долгие годы молчаливо сносимого деспотизма. Вы восхищаетесь великими людьми, я восхищаюсь лишь великими общественными системами. Я полагаю, что народам, чтобы быть счастливыми, нужны не столько гениальные, сколько справедливые люди; тем не менее, я соглашусь с вами в том, если это важно для вас, что некоторые из актов насилия, которые вы так защищаете, и впрямь пошли на пользу определенным государствам. Такие действия могут быть оправданы для народов древности, которыми правили рабство и фатализм. Они вновь появляются в средневековье и даже в новое время. Но в той же степени, в какой смягчились нравы, в какой просвещение распространи-

лось среди разных народов Европы, а прежде всего в той, в какой лучше стали изучены основы науки о государстве, в той же степени и в принципе, и на самом деле насилие сменилось правом. Разумеется, и впредь будут вестись освободительные войны, и очень много преступлений будет совершаться во имя свободы, но политического фатализма больше нет. Если прежде вы могли говорить, что в ваше время деспотизм был необходимым политическим злом, сейчас вы такой возможности лишились; при современном уровне нравственности и государственности основных народов Европы деспотизм стал невозможен.

Макиавелли

Невозможен?.. Если вам удастся доказать мне это, то я охотно буду следить за ходом вашей мысли.

Монтескье

Я очень легко докажу вам это, если вы еще склонны слушать меня.

Макиавелли

Весьма охотно. Но берегитесь. Мне кажется, вы берете на себя слишком много.

Разговор третий

Монтескье

К этому берегу приближается толпа теней. Подойдите ближе, не то нас скоро разлучат. Они заполнят все кругом.

Макиавелли

В ваших последних словах я вовсе не обнаружил той ясности, которая отличала ваши речи в начале нашей беседы. Я нахожу, что вы перебрали с закономерностями, вытекающими из основных положений вашего «Духа законов».

Монтескье

В этом труде я заведомо избегал подробных теорий. Если он знаком вам не только в пересказе третьих лиц, то вы признаете, что отдельные мысли из числа тех, что я вам здесь излагаю, непосредственно проистекают из основных положений, мною там выдвигаемых. Но не страшусь сознаться: известия, полученные мною о новом положении вещей, изменили или дополнили некоторые из моих идей.

Макиавелли

Неужели вы всерьез уверены, что деспотизм несочетаем с тем политическим уровнем, которого достигли народы Европы?

Монтескье

Я говорил не обо всех народах. Но, если вам угодно, я назову те нации, в которых развитие науки о государстве привело к важным достижениям.

Макиавелли

Что же это за народы?

Монтескье

Англия, Франция, Бельгия, отчасти Италия, Пруссия, Швейцария, Германский союз, Голландия, а также Австрия, то есть, как видите, почти в точности та часть Европы, которую некогда занимала Римская империя.

Макиавелли

Мне кое-что известно о событиях, происходивших в Европе с 1527 года до нынешней поры, и должен вам сознаться, мне очень любопытно, как вы докажете ваше утверждение.

Монтескье

Так слушайте же, и — кто знает — возможно, мне и удастся убедить вас. Не люди, но институты гарантируют процветание в государстве свободы и добрых нравов. От совершенства или несовершенства институтов зависит всякое благо и всякое зло, которые могут последовать

при объединении людей в сообщество. И если я настаиваю на наилучших институтах, то вам, разумеется, ясно, что вслед за Соломоном я имею в виду те лучшие из институтов, с которыми может примириться народ. То есть я не требую для народов невозможных условий существования и тем самым отличаюсь от жалких реформаторов, пытающихся устроить общество на основании чисто умозрительных конструкций, не учитывая климата, привычек, нравов, даже предубеждений.

На начальной стадии развития нации имеют то законодательство, которое возможно в этом состоянии. Античность дала нам примеры удивительных культур и государств, в которых достойным восхищения образом были достигнуты условия, ведущие к свободной форме правления. Народам христианской эпохи было труднее привести свои законодательства в соответствие с развитием общества. Но они учились у античности, и, несмотря на гораздо большую сложность своей культуры, пришли к еще более совершенным результатам.

Одной из первопричин как анархии, так и деспотизма является в государствах Европы теоретическое и практическое незнание принципов, согласно которым распределяются властные функции. Если принцип суверенности справедлив исключительно для личности государя, то о каком праве народа может идти речь? Если тот, кому довелось исполнять законы, был одновременно и законодателем, как могло быть его владычество отличным от тирании? Как граждане могли быть защищены от произвола, если к этому сочетанию законодательной и исполнительной власти добавлялась еще судебная, чтобы попасть вместе с ними в одни и те же руки?¹

Мне известно, разумеется, что свершающееся раньше или позже дарование определенных свобод и прав способно даже при самом отсталом политическом устройстве преградить путь произволу абсолютной монархии и что, с другой стороны, ропот народа и великодушные отдельных венценосцев побуждают их с умеренностью пользоваться неограниченной властью, коей они облечены; однако не менее справедливо и то, что подобные уступки делаются исключительно в интересах монарха, имеющего все права на достояние, привилегии и жизнь своих подданных. Только разделение властных функций решило в Европе проблему свободного общественного порядка и претворило это решение в жизнь, и если что-то может умерить мой страх перед Страшным судом,

¹ *Дух законов. Книга IX. Глава 16.*

так только та мысль, что моя жизнь на этой земле внесла некий вклад в освобождение народов от их бесправия.

Вы, Макиавелли, родились в конце средневековья, вы видели, как с искусством Возрождения взошла заря нового времени. Но общество, в котором вы жили, находилось — позвольте мне назвать вещи своими именами — еще целиком под гнетом варварских заблуждений. Вся Европа была ристалищем. Сила означала все, право — очень мало. Королевства становились добычей захватчиков. Внутри государств самодержцы боролись со своими вассалами, крупные вассалы уничтожали города. При феодальной анархии, которая превратила всю Европу в поле сражения, попранные народы привыкли видеть в государях и сильных мира богов, власти коих род человеческий подчинен неумолимой судьбой. Ваша жизнь пришлась на это бурное, но и великое время. Вы видели отважных полководцев, людей из стали, храбрецов, и этот мир прекрасной и ужасной анархии стал для вас тем, чем стал бы для художника, чья фантазия была бы захвачена им сильнее, чем его моральное чувство. Так я понимаю вашу книгу о государе. И вы были вовсе не так далеки от истины, признаваясь с чисто итальянским хитроумием, что хотели расспросить меня лишь потому, что были некогда дипломатом. Но с тех пор мир ушел далеко вперед. Сами народы стали сегодня вершителями своих судеб. Де-факто и де-юре они уничтожили привилегии аристократии. Они выдвинули принцип, который вам, последователю маркиза Юго, должен казаться совершенно неожиданным: принцип равенства. В своих правителях они видят только слуг народа. Они зафиксировали принцип равенства в законах, обязательных и неотъемлемых для всех граждан. Они привержены этим законам, стоившим их предкам столько крови.

Я уже говорил о войнах. Они свирепствуют до сих пор, и мне это известно; но — и это первое достижение — они более не дают победителю права собственности на побежденные государства. Право, едва ли знакомое вам, международное право, определяет сегодня отношения между народами точно так же, как гражданское право определяет отношения между гражданами в каждой стране.

После того, как народам гарантировали права личности гражданскими законами, а коллективные права — договорами, они вознамерились упорядочить свои отношения с государями и закрепили свои политические права в конституциях. Отданные надолго во власть произволу, определявшемуся неразделенностью властных функций, что позволяло государю издавать тиранические законы и тиранически проводить их в

жизнь, они в своих конституциях разделили исполнительную, законодательную и судебную власть, и это разграничение не может быть отменено без того, чтобы все государство не пошатнулось.

Только эта поистине грандиозная реформа создала внутригосударственное публичное право, обнаружив высшие принципы, лежащие в его основе. Личность государя перестала отождествляться с государством. Суверенитет понимается теперь как достояние нации, которая и осуществляет разделение отныне независимых друг от друга властных функций между государем и политическими институтами. Сейчас, когда меня слушает известный государственный муж, я не стану излагать всю теорию режима, называющегося во Франции и в Англии конституционным. Он установился сейчас во всех наиболее значительных государствах Европы не только потому, что является выражением высшей политической мудрости, но, прежде всего, поскольку предоставляет единственную осуществимую на практике возможность управлять в соответствии с идеями современной культуры. Во все времена, и при либеральном, и при тираническом образе правления, править можно было только при помощи законов. Поэтому только в принципе законотворчества состояла легитимная защита гражданина от государства. Если государь единственный законодатель, он будет издавать только тиранические законы, и уже тогда следует почитать счастьем, если за немногие годы он не ниспровергнет все законодательство; в любом случае это откровенный абсолютизм. Если законодателем становится сенат, то мы имеем дело с олигархией, ненавистным народу режимом, поскольку при нем имеется ровно столько же тиранов, сколько сенаторов. Если законодателем становится народ, то начинается анархия, являющаяся всего лишь другим путем к деспотизму. Но если это избранное народом собрание, то первая часть задачи уже решена; таким образом закладывается основа репрезентативного правительства, и именно правительства такого типа сейчас у власти во всей центральной части Европы.

Но собрание народных представителей, удерживающее в своих руках всю полноту законодательной власти, немедленно злоупотребило бы своей властью и ввергло государство в пучину бедствий. Существующая форма правления является счастливым сочетанием аристократии, демократии и монархизма, и именно потому, что объединяет и уравнивает властные функции, что представляется мне шедевром человеческого духа. Личность правителя остается священной и неприкосновенной. Но хотя он и сохраняет множество важных привилегий, которые

должны быть оставлены ему для блага государства, главная его задача — заботиться о проведении законов в жизнь. Поскольку вся полнота власти не сосредоточена более в его руках, ответственность отныне переходит к его министрам, совместно с которыми он правит страной. Закон, который он должен предложить лично или при сотрудничестве с другими органами, подготавливается государственным советом, состоящим из мужей, искушенных в правлении государством, затем представляется верхней палате, членство в которой пожизненно или наследственно, и которая определяет, нет ли в нем противоречий с конституцией; затем он голосуется законодательным органом, избранным путем всенародного голосования, и исполняется независимым чиновничеством. Если закон несовершенно, он отвергается или исправляется законодательным собранием; верхняя палата препятствует его принятию, если он не соответствует конституционным началам.

Именно победа этой системы, которая столь глубоко продумана и — как вы сами поймете — может функционировать самыми разнообразными способами в зависимости от темперамента народа, соединила порядок со свободой, статику с динамикой, дала возможность всем гражданам участвовать в политической жизни и покончила с уличными беспорядками.

Как видите, отношения государя и подданных основываются на разветвленной системе гарантий, незыблемым основанием которых является гражданский порядок. Имущество и личность граждан не могут подвергаться произволу властей. Судопроизводство основывается на том, что обвиняемого судят равные ему. Надо всеми судами стоит верховный суд, задачей которого является кассация приговора, если он вынесен с нарушениями законности. Сами граждане защищают свои права, создавая для поддержки полиции в городах отряды гражданской милиции. Рядовой гражданин может при помощи петиции довести свою жалобу до высших органов, представляющих народ. Общины управляются выборными чиновниками. Ежегодно собираются провинциальные собрания, выбранные путем голосования, чтобы обсудить нужды и желания населения.

Я, Макиавелли, нарисовал вам весьма приблизительную картину тех учреждений, что процветают сегодня в современных государствах, в особенности в моем прекрасном отечестве. И поскольку гласность — одна из основ свободы народа, то все эти учреждения не просуществовали бы долго, если бы их деятельность не освещалась ярким светом

общественного мнения. Тип власти, совершенно неизвестный в вашем столетии и образовавшийся в мое время, сейчас начинает интенсивное существование. Это пресса, столь долго недооцененная, по сию пору обвиняемая невеждами во всех грехах, та пресса, к которой вполне применимо прекрасное высказывание Адама Смита о кредите: «Это голос народа». И впрямь, этот голос освещает все развитие идейного мира современных народов. Пресса имеет в государстве функции, подобные полицейским. Она выражает потребности, оглашает жалобы, разоблачает злоупотребления и произвол; она принуждает к нравственному поведению всех носителей власти. Для этого достаточно высказывать им в лицо общественное мнение.

Макиавелли, разве найдется в устроенном подобным образом обществе место честолюбию государя, деяниям тирана? Мне прекрасно известно, какие мучительные катаклизмы сопровождают завоевания. Во Франции свобода, утопленная в крови революцией, ожила вновь только вместе с реставрацией. Грядут новые потрясения; но все основы, все учреждения, о которых я вам поведал, стали уже частью нравов Франции и всех тех народов, которые можно назвать культурными. Я кончил, Макиавелли. Государства управляются теперь только по законам справедливости. Нынче министр, следующий вашему учению, не удержался бы и года у власти. Монарх, возжелавший употребить на практике максимы вашей книги о государе, навлек бы на себя возмущение подданных; от него отвернулась бы вся Европа.

Макиавелли

Вы так думаете?

Монтескье

Вас рассердила моя откровенность?

Макиавелли

Нет, отчего же!

Монтескье

Могу ли я надеяться, что вы хоть отчасти изменили свой образ мыслей?

Макиавелли

Я позволю себе шаг за шагом разобраться во всех тех замечательных вещах, о которых вы говорили, и доказать вам, что и сейчас смысл имеют только мои уроки, невзирая на новые идеи, нравы, на ваши так называемые принципы государственного права, на все учреждения, о которых вы только что говорили.

Но позвольте прежде обратиться к вам с вопросом: до какого момента знакомы вы с новейшей историей?

Монтескье

Знания, полученные мною о различных государствах Европы, простираются до конца 1847 года. Блуждая по этим бескрайним равнинам в толпах отлетевших душ, я не встретил ни одной, которая поведала бы мне что-либо о последующем времени. Спустившись в царство теней, я провел приблизительно полстолетия с народами древности и не более чем четверть века назад столкнулся с толпами современных народов. При этом большинство из них происходило из отдаленнейших стран. Я даже не знаю толком, какой нынче год на земле.

Макиавелли

Вы убедились, Монтескье, здесь последние становятся первыми! Государственный деятель средневековья, политик варварской эпохи знает, оказывается, об истории современности больше, чем философ восемнадцатого века. Сейчас тысяча восемьсот шестьдесят четвертый год от Рождества Христова.

Монтескье

Не будете ли вы так любезны, Макиавелли, поведать мне — я очень вас прошу! — о том, что случилось в Европе с 1847 года?

Макиавелли

Если позволите, я сделаю это не прежде, чем доставлю себе удовольствие разбить вдребезги все ваши теории.

Монтескье

Как вам угодно. Но поверьте, меня это не заботит. Для того, чтобы изменить основы и форму правления, к которой привыкли народы, по-

требуются столетия. Новое учение о государстве никак не могло возникнуть за последние пятьдесят лет, а если бы оно и возникло, то все равно не победило бы учение Макиавелли.

Макиавелли

Вот как вы думаете! Послушайте же меня.

Разговор четвертый

Макиавелли

Когда я услышал о вашей теории разделения властных функций и о тех благах, которыми ему обязаны европейские народы, я не мог, дорогой мой Монтескье, скрыть удивление по поводу того, как система может ослепить даже самые высокие умы.

Введенный в заблуждение английским законодательством, вы полагали, что можете создать из конституционного режима панацею для государств. Но вы не учитывали закономерного развития, которое сегодня отрывает сообщества от вашей вчерашней традиции. Не пройдет и двух столетий, как эта форма правления, которая вас так восхищает, станет в Европе не более чем историческим воспоминанием, устаревшим и не имеющим более силы, наподобие учения Аристотеля о трех единствах. Позвольте мне, прежде всего, испытать ваш государственный механизм как таковой. Вы уравниваете три властных функции, предоставляя каждой свою сферу. Одна создает законы, другая их издает, третья исполняет. Государь властвует, министры правят. Чудесная штука эти конституционные качели! Вы предусмотрели и урегулировали все, кроме развития. Результатом подобной системы стала бы безынициативность; исправно функционируя, она привела бы к застою. Но в действительности события развиваются иначе; при первой же возможности движение остановится само собой, сломав одну из столь заботливо выкованных вами пружин. Неужели вы впрямь верите в то, что власть долго будет придерживаться установленных вами конституционных границ, не перейдя их в один прекрасный день? Где вы видели независимое законодательное собрание, не стремящееся к суверенности? Где вы видели власти, не стремящиеся ограничить общественное мнение?

Где видели вы прежде всего государя или президента республики, который без долгих разговоров согласился бы играть пассивную роль, на которую вы его обрекаете, не питая втайне надежд опереться на противоборствующие силы, которые обеспечили бы ему свободу действий? В действительности вы только стравливаете все противоборствующие силы, побуждая их к конфликтам, вооружаете все партии. Вы отдаете власть в руки любому честолюбию и делаете государство ареной схватки всех партий. В короткое время все придет в упадок. Болтливые ораторы превратят законодательные собрания в словесные турниры. Наглые журналисты, необузданные памфлетисты ежедневно станут подвергать нападкам личность правителя, дискредитировать правительство, министров, государственных чиновников...

Монтескье

Мне давно известны эти попреки либеральным правительствам. Я не придаю им значения. Злоупотребление институтами не есть их вина. Я знаю многие государства, которые мирно уживаются с подобным законодательством, и уже довольно долгое время. Я сожалею о тех, кто не может с ними ужиться.

Макиавелли

Да погодите же! В своих рассуждениях вы ориентируетесь только на социальные меньшинства. Есть громадные слои населения, которых бедность обрекает на труд, как то некогда было при рабовладельческом строе. Я спрашиваю вас: какое значение имеют все ваши парламентские изобретения для их благосостояния? Ваше великое политическое развитие кончается победой меньшинства, обязанного своими привилегиями случайностям выборов так же, как дворянство было ими обязано рождению. Что значит для пролетариев, согбенных тяготами труда, придавленных невыносимой судьбой, тот факт, что пара журналистов получит право говорить, что несколько ораторов получают право выступать? Вы создали права, остающиеся для широких народных масс на веки вечные чистой теорией, поскольку они не могут ими воспользоваться. Эти права, которые теоретически даются народу законами, а практически не осуществляются из-за тягот повседневности, становятся для них всего лишь горькой иронией судьбы. Говорю вам, в один прекрасный день народ возненавидит эти законы и своей рукой сокрушит их, чтобы повернуться к деспотизму.

Монтескье

Как же презирает Макиавелли гуманность, сколь низмен в его глазах образ мысли современных народов! Боже всемогущий, не могу поверить, что Ты создал их столь дурными. Что бы ни говорил о них Макиавелли, он все же не знает основ и условий существования современной культуры. Необходимость трудиться — закон, равно справедливый сегодня для всех, поскольку это божественный закон; это вовсе не свидетельство порабощения, это узы, которые всех объединяют, средство, делающее всех равными.

Политические права не иллюзорны для народа в тех государствах, где законы не знают привилегий и где усердному открыты все пути. Разумеется — ни в одном обществе это не могло бы быть иначе, неравенство способностей и имущества влечет за собой неизбежное для каждого неравенство в осуществлении этих прав; но разве существования прав не достаточно для просвещения, для того, чтобы независимость личности была максимально гарантирована? Разве даже для тех, кто волей случая рожден в самых стесненных обстоятельствах, ничего не значит жить с чувством независимости и гражданского достоинства? И это только одна сторона; как высокий уровень морали народов зависит от их свободы, так же зависят от нее и их материальные интересы.

Макиавелли

Этого-то я и ждал. Школа, к которой вы принадлежите, выдвигает принципы, отдаленных последствий которых совершенно не может предвидеть. Вы полагаете, что они приведут к воцарению разума. Я покажу вам, что они ведут назад, к господству насилия. Если взять вашу первоначальную политическую систему, то она сводится к тому, что различные группировки, из которых состоит общество, получают примерно равное участие в политической жизни, что социальные силы будут сбалансированы относительно друг друга. Вы не хотите, чтобы аристократические элементы оказывали влияние на демократические. Но непоследовательный характер ваших институтов приведет к тому, что аристократии будет дано больше власти, чем народу, государю — больше, чем аристократии, и что вы станете распределять властные функции в соответствии с политическими потенциями тех, кто их будет осуществлять.

Монтескье

Справедливо.

Макиавелли

Вы допускаете различные классы общества к занятию общественных должностей в зависимости от степени их пригодности и одаренности. Вы даете гражданам равенство путем всеобщего избирательного права. Вы ограничиваете влияние народа при помощи избирательных цензов. Из данной народу свободы проистекает власть общественного мнения. Аристократия ослепляет своим расточительным образом жизни. Трон бросает на нацию отблеск высочайшего достоинства. Вы сохраняете все традиции, все величественные воспоминания, почтение ко всему значительному. Поверхностному взгляду представляется монархия, но в основе она демократична; в реальности нет границ между классами, а труд может составить счастье любого. Не так ли?

Монтескье

Разумеется, Макиавелли, и вы, по крайней мере, способны постичь взгляды, которых не разделяете.

Макиавелли

Отлично! Но все эти замечательные вещи уже улетучились или улетучатся, как сладкий сон. Потому что у вас в запасе еще один принцип, который молниеносно уничтожит все эти институты.

Монтескье

И что же это за принцип?

Макиавелли

Это суверенность народа. Скорее удастся найти квадратуру круга, чем привести в соответствие с этим принципом разделение властных функций у тех народов, у которых его вводят. С неотвратимой неизбежностью в один прекрасный день народ возьмет в свои руки всю полноту той власти, о которой заявлено, что она в принципе принадлежит народу. И разве он сделает это, чтобы навсегда удержать власть? Нет.

Некоторое время он будет буйствовать, затем, устав, швырнет ее первому попавшемуся авантюристу. Ваша страна уже видела в 1793 году, как французские головорезы обошлись с конституционной монархией: казнив своего короля, народ добился суверенности, а затем растерял все свои права; он подарил их разным Робеспьерам, Баррасам, Наполеонам.

Вы великий теоретик, но вам неведом непостижимо низкий уровень народного образа мысли. При этом я имею в виду не народы моего времени, а вашего. Угодливый с властью, беспощадный к любому проявлению слабости, не прощающий ни одного безобидного промаха, но снисходительный, когда речь идет о преступлении, неспособный сносить неудобства свободного режима, но до мученичества терпеливый по отношению к любому насилию дерзкого деспота, народ в приступе ярости крушит троны, чтобы отдаться во власть правителей, которым прощаются все бесчестные поступки, за каждый из которых народ обезглавил бы двадцать конституционных монархов.

Попробуйте же отыскать справедливость, попробуйте отыскать право, стабильность, порядок, уважение к столь сложным формам вашего парламентского механизма у недисциплинированных, необразованных, обуреваемых жаждой насилия масс, которым вы говорите: вы — право, вы — господа, вы — суд государства! О, мне известно, что мудрый Монтескье, осторожный политик, выдвигающий принципы и умалчивающий об их возможных последствиях, ничего не написал в своем «Духе законов» о догмате народного суверенитета. Но как вы только что сказали — последствия сами собой вытекают из выдвигаемых вами принципов. Родство вашего учения с учением об общественном договоре достаточно очевидно. Именно поэтому в тот день, когда французские революционеры, доверясь словам своего учителя, заявили: «Конституция может быть исключительно свободным делом договора между равными» — и монархическое, и парламентское правление в вашей стране были приговорены к смерти. Напрасно предпринимались попытки выдвинуть новые принципы, напрасно пытался, вернувшись во Францию, ваш король Людовик XVIII вернуть властные функции их прежним носителям, опубликовав разъяснения 1789 года таким образом, словно они принадлежали ему самому; этот умильный обман аристократической монархии находился в вопиющем противоречии с прошлым. Он сгинул в революции 1830 года, а правительство 1830 года, в свою очередь...

Монтескье

Говорите, говорите!

Макиавелли

Не стоит забегать вперед. То, что нам обоим известно о прошлом, дает мне право утверждать, что принцип суверенитета народов способен нарушить любую стабильность, что право он превращает в революцию, а общество ввергает в войну со всеми человеческими установлениями и с самим Богом. Он — воплощение насилия. Он превращает народ в дикого зверя, который угомонится, только напившись крови, и которого нужно держать на цепи. И тогда будущее народа, жизнь которого организуется на основании этого принципа, непременно будет выглядеть так: народный суверенитет приведет к демагогии, демагогия — к анархии, анархия — к деспотизму. Деспотизм для вас — нечто варварское. Отлично! Следовательно, вы видите, что, идя путем цивилизации, народы возвращаются к деспотизму. Но это еще не все. Я утверждаю далее, что деспотизм, если рассмотреть его под другим углом зрения, является единственной формой правления, подходящей к социальному уровню современных народов. Вы заявили, что материальные интересы народов зависят от их свободы. Этим вы уж чересчур облегчили мне задачу. Что это, вообще-то говоря, за государства, которым необходимо опираться на свободу? Это государства, живущие высокими чувствами, большими страстями, героизмом, верой, да и честью, как французская монархия в ваше время, о чем говорите вы сами. Иногда народ спасает стойкость, порой — христианство. Я понимаю, свобода была необходима Афинам, Риму, народам, жившим воинской славой, расширявшим свое жизненное пространство за счет войн, а вследствие этого нуждавшимся для победы над врагом во всей энергии, патриотизме и энтузиазме своих граждан. Принадлежащие народу свободы были неотъемлемым наследием в тех государствах, где тяжелый механический труд был предоставлен рабам, а гражданин не был нужен обществу, если не осуществлял своих политических функций. Другой смысл приобретает для меня свобода в христианскую эру, в особенности в мелких государствах, связанных друг с другом договорными обязательствами на манер греческих республик, как, например, в Германии или в Италии. Там обнаруживается что-то вроде естественных причин для свободы. Она была бы почти безобидной в те времена, когда принцип авторитарности не подвергался сомнению, когда религия обладала абсолютной властью над умами, когда народ мирно жил под рукой своих пастырей, сдерживаемый гильдиями, цехами, церковью. Если бы тогда зашла речь о политическом освобождении, оно могло бы быть совершенно безболезненным,

поскольку произошло бы в соответствии с принципами, на которых основывается существование любого сообщества. Но в ваших больших государствах, живущих только промышленностью, у ваших народов, живущих без Бога и веры, в такое время, когда война уже не может эти народы удовлетворить и их чрезмерная активность обращается против них самих, тут свобода вместе с лежащими в ее основе принципами может привести только к разрушению и гибели. К тому же она столь же безразлична для нравственного чувства отдельного человека, как и для государства.

Притупление самостоятельного мышления и революционные потрясения привели к образованию сообществ опустошенных и ошеломленных, равнодушных к политике столь же, сколь к религии, не знающих никакого интереса, кроме плотских удовольствий, живущих только ради собственной выгоды, почитающих только деньги, превосходящих в сфере торговли даже иудеев, которых они взяли себе за образец. Вы думаете, что низшие классы станут бороться за власть в государстве из любви к свободе как таковой? Они делают это из ненависти к имущим; собственно говоря, они намереваются лишить их богатства, то есть источника удовольствий.

Имущие же молят только об одном: об энергичной руке, о сильной государственной власти. Они требуют лишь защитить государство от агитации, которой не в силах противостоять его слабое законодательство, и дать им уверенность в завтрашнем дне, чтобы они могли предаваться своим делам и удовольствиям. Какую же форму правления вы предложите государствам, которые поражены коррупцией, в которых состояния складываются только путем коварства и подкупа, где нравственность поддерживается только карающими законами, где даже любовь к отечеству выродилась в неопределенный космополитизм?

Для таких государств, являющихся по сути колоссом на глиняных ногах, не знаю иного спасения, кроме строгой централизации, которая предоставляет всю полноту власти в распоряжение правителя, кроме государственной иерархии наподобие Римской империи, которая механически управляет всей жизнью отдельных граждан, кроме всеобъемлющей системы законов, отменяющих каждую из неразумно дарованных свобод, короче говоря, кроме гигантского деспотизма, способного немедленно и непосредственно покарать каждого, кто сопротивляется или жалуется. Как мне кажется, императорское правление в Римской империей вполне соответствует моим представлениям о благе для современ-

ных держав. Благодаря разветвленному управленческому аппарату, который, по имеющимся у меня сведениям, наличествует в нескольких европейских странах, они также могут жить в мире, как и народы Китая, Японии, Индии. Не следует поддаваться распространенному предубеждению и презирать эти восточные культуры, подлинную ценность которых мы с каждым днем понимаем все лучше. Например, народ Китая очень культурен, и им очень хорошо управляют.

Разговор пятый

Монтескье

Сомневаюсь, должен ли я отвечать вам, Макиавелли; в ваших последних словах столько сатанинской иронии, что я вчуже полагаю: ваши речи не вполне соответствуют вашим мыслям. Вы поистине обладаете фатальным красноречием, способным увести с пути истины, вы поистине дух зла, имя которого по сей день внушает ужас живущим. Тем не менее, склонен признать, что слишком большой потерей было бы при встрече со столь могучим духом молча соглашаться со всем, что он говорит. Я выслушаю вас до конца и отвечу вам, хотя у меня осталось мало надежды убедить вас. Вы только что набросали весьма мрачную картину современного общества. Не смея судить о ее достоверности, замечу лишь, что она, по крайней мере, не полна. По-прежнему злу сопутствует добро, вы же говорили только о зле. Кроме того, вы не дали мне никакого способа проверить истинность сказанного вами; не знаю, какие народы и государства вы имели в виду, набрасывая эту мрачную картину современного состояния умов.

Макиавелли

Так предположим, что в качестве примера из всех народов Европы я выбрал тот, который дальше всех прошел путем культуры и к которому — это я хочу отметить особо — менее всего подходит картина, нарисованная мной ...

Монтескье

Совершенно очевидно, что вы имеете в виду французский народ.

Макиавелли

Конечно.

Монтескье

Вы правы. Этот народ пока менее всего заражен ложными материалистическими учениями, Франция остается очагом великих идей и великих страстей; хотя вы и считаете, что их источник иссяк, здесь родина великих принципов государственного права, которым вы не приписываете никакого влияния на правление страной.

Макиавелли

Вы могли бы еще добавить, что с давних времен Франция является пробным камнем политических теорий.

Монтескье

Мне неизвестен ни один опыт, который долгое время способствовал бы расцвету деспотизма, ни во Франции, ни где бы то ни было еще в современном мире, потому-то я и нахожу вашу теорию о необходимости абсолютизма столь мало соответствующей действительности. До сих пор мне были известны в Европе лишь два государства, абсолютно лишенных каких бы то ни было либеральных институтов, способных хоть в каком-то отношении ограничивать монархическую стихию. Это Турция и Россия. Но если вы пристальнее взгляните в процессы, происходящие в недрах последней, то, весьма возможно, обнаружите признаки близких изменений. Вы опередили меня, сказав — вероятно, это так и есть, — что в более или менее обозримом будущем народы перед лицом неотвратимой гибели прибегнут к деспотизму как последнему средству спасения и заведут у себя порядки по образцу абсолютных монархий, подобных азиатским. Это всего лишь предположение. Как скоро оно осуществится?

Макиавелли

Не позднее, чем через сто лет.

Монтескье

Вы поступаете, как все пророки. Целое столетие! Так вы всегда в выигрыше. Позвольте же сказать вам теперь, почему ваше предсказание не осуществится. Нельзя рассматривать современные общества глазами прошлого. Их нравы, их привычки, их потребности — все изменилось. Нельзя без должных коррективов полагаться на исторические аналогии, когда пытаешься судить о будущем. Прежде всего, следует опасаться счесть случайные факты за всеобщие законы, а то, что было необходимо в определенные эпохи и в конкретных ситуациях, принять за всеобъемлющие правила. Разве следует из того, что в ходе истории деспотизм много раз становился следствием социальных переворотов, его превращение в принцип правления? Имею ли я право из того, что в прошлом он служил переходной стадией, делать вывод, что он пригоден для разрешения кризисов современности? Разве не разумнее предположить, что новая болезнь требует нового лечения, новая проблема — нового решения, а новые социальные условия нуждаются в новых политических? В любом случае, непреложным законом человеческого общества является тот, согласно которому оно стремится к совершенствованию, к прогрессу. Позволю себе заметить: на это его обрекает вечная мудрость; другого пути нет. Общество должно достичь конечной цели прогресса.

Макиавелли

Или умереть.

Монтескье

Давайте не будем впадать в крайности. Народы не умирают, находясь в детском возрасте. Только достигнув определенной зрелости, они могут ухудшать свое положение, распадаться и гибнуть; но для этого должно пройти много столетий. Разные народы Европы друг за другом прошли разные стадии, от феодальной системы к монархической, от монархического режима к конституционному. Это прогрессивное развитие, единство которого так впечатляет, не случайно. Оно — логический результат развития мысли, прежде чем она реализуется в деянии.

Общественные формации не могут иметь иных форм правления, кроме тех, которые соответствуют их основным принципам; этот общий

закон признаете и вы. Как же согласуется с ним мысль, что деспотизм соответствует современной культуре? До тех пор, пока народы рассматривали суверенную власть как нечто божественное, они без ропота подчинялись абсолютной власти. Пока их институты не были в состоянии гарантировать их развитие, они принимали произвол. Но в тот день, когда были признаны и торжественно провозглашены их права, в тот день, когда более совершенные институты позволили свободно решать все вопросы государственного функционирования, — в тот день политика утратила свое величие, власть стала зависимой от общественной жизни, искусство править превратилось в чисто административное. Сегодня положение дел таково, что государственная власть служит всего лишь двигателем организованных сил.

Конечно, если вы предполагаете, что эти государства поражены всей той коррупцией, всеми пороками, о которых вы только что говорили, они весьма быстро будут двигаться к гибели. Но как же вы не понимаете, что ваши выводы ложны? С каких это пор свобода унижает души и портит характеры? Такому история нас не учит. Напротив, везде написано сверкающими буквами, что самые значительные народы были и самыми свободными. Если, как вы говорите, в одной неизвестной мне части Европы нравственность и упала, так лишь потому, что там установился деспотизм, угасла свобода. Следовательно, ее необходимо поддерживать там, где она существует, и провозглашать там, где ее нет. Не забывайте, что мы с вами говорим о принципах. Пусть ваши принципы отличны от моих, они тем не менее должны оставаться неизменными. Не знаю, что и думать, когда слышу, как вы славите свободу в древние времена, предаете ее анафеме в наше время, как вы то признаете, то отрицаете ее в зависимости от времени и места. Даже если признать эти различия оправданными, принципы от этого не меняются, а я придерживаюсь только принципов.

Макиавелли

Я вижу только, что вы, как искусный лоцман, избегаете отмелей и держитесь в открытом море. При дискуссии общие места — вещь незаменимая. Но сознаюсь, что начинаю терять терпение. Мне хочется узнать, как досточтимый Монтескье обойдется с принципом народного суверенитета. Я до сих пор так и не услышал, является он частью вашей системы или нет? Признаете вы его или нет?

Монтескье

Я не могу отвечать на вопрос, сформулированный подобным образом.

Макиавелли

Я так и думал, что этот призрак приведет в смятение и ваши мысли тоже.

Монтескье

Вы заблуждаетесь, Макиавелли. Но прежде, чем я отвечу вам, вынужден напомнить, чем, собственно говоря, были мои сочинения и какие перед ними стояли задачи. Вы возложили на меня ответственность за несправедливости Французской революции. Это суровый приговор философу, который осторожно продвигался вперед в поисках истины. Родившись в эпоху духовного подъема, накануне революции, устранившей в моем отечестве старые формы монархического правления, могу сказать, пожалуй, что от моего взгляда не укрылось ни одно из последствий развития идей. Я не могу игнорировать тот факт, что когда-нибудь система разделения властных функций по необходимости изменит носителя суверенного достоинства.

Недостаточное понимание и особенно негодное применение этого принципа может вызвать чудовищные последствия и в корне изменить французское общество. Ощущение такой опасности было моей путеводной нитью во время работы над этими произведениями. В то время как неосторожные новаторы, осмеливаясь прикоснуться непосредственно к источнику власти, готовили в своей неразумности ужасную катастрофу, я стремился лишь изучить формы свободного правления и обозначить предпосылки для их введения. Будучи в большей степени государственным деятелем, чем философом, более юристом, чем теологом, более практическим законодателем, если мне будет позволено так выразиться, чем теоретиком, я полагал, что сделаю для своей страны больше, если научу ее самоуправлению, чем если посягну на принцип авторитета. Но ни в коем случае, упаси Господи, не пытаюсь я присвоить заслуги тех, кто, подобно мне, ревностно искал истину. Мы все ошиблись, но каждый должен отвечать за свои собственные дела. Разумеется, Макиавелли, я ни минуты не колеблюсь делаю это признание: вы правы, говоря, что освобождение французского народа должно согласовываться

ся с высшими принципами существования человеческого общества. Это признание уже дает вам понять, что́ я думаю о принципе народного суверенитета.

Прежде всего, я не допускаю такого толкования принципа народного суверенитета, которое отторгает от него образованные классы. Это основополагающее определение, поскольку только оно способно превратить государство в чистую демократию или представительское государство. Если суверенитет и принадлежит кому-либо, то только всей нации. Поэтому отныне я буду именовать его национальным суверенитетом. Однако идея этого суверенитета заключает в себе не абсолютную, но всего лишь относительную истину. Неограниченность данной человеку власти связана с мыслью, проведение которой в жизнь меняет все с самого начала, — с мыслью о суверенности человеческих прав. Это материалистическое и атеистическое учение Французская революция омыла потоками крови, и оно после опьянения свободой принесло ей позор деспотизма. Не совсем верно говорить, что народы являются абсолютными хозяевами своей судьбы; их всемогущий повелитель — Господь, и никогда они не выйдут из-под его власти. Если бы они обладали абсолютной суверенностью, то могли бы бороться и против вечной справедливости, против Бога. Кто осмелится зайти так далеко? Но если принимать принцип божественного права в том значении, которое обычно связывается с этим словом, то это не менее опасно, поскольку отдаст народы во власть обскурантизму, произволу и низменным побуждениям, логически приводит к господству каст, делает из народов стадо рабов, которые, как в Индии, управляются жрецами и дрожат под бичом своих господ. И как же иначе? Если суверен является посланником Бога, даже его наместником на земле, тогда он — полный господин над человеческими существами, подчиненными его власти, а эта власть может быть ограничена только теми общими правилами, по которым для одного хорошо то, что плохо для другого. На поле боя, простирающемся между этими двумя крайностями, ожесточенно сражались разные партии. Одни кричали: никакого божественного авторитета! Другие: никакого человеческого авторитета! Великий Боже, мой разум протестует и против той, и против другой альтернативы. Обе они кажутся мне равным оскорблением Твоей мудрости. Между божественным правом, исключаящим человека, и человеческим правом, исключаящим Бога, лежит истина, Макиавелли. Народы и отдельные люди — в руке Божьей. Они обладают своими правами и властью только при том условии, что будут пользоваться ими по законам вечной справедливости. Суверенность является человеческой только в том смысле, что дана человеку

и осуществляется им. Она божественна потому, что дана по изволению Господа и может осуществляться только в соответствии с заповедями, данными Им.

Разговор шестой

Макиавелли

Мне очень бы хотелось прийти к точным выводам. Докуда достает длань Господня, простертая над человечеством? Кто возводит на трон?

Монтескье

Народы.

Макиавелли

Сказано: «Мной правят правящие». Это буквально означает, что Бог ставит королей.

Монтескье

Это такой перевод, который только вам, Макиавелли, может пригодиться для вашего государя, а в этом столетии он подхвачен одним из ваших известнейших сторонников,¹ но он не соответствует смыслу, которым эти слова имеют в Священном писании. Богу угодна суверенность, но не он назначает отдельных суверенов. Тут Его всемогущая рука останавливается, поскольку начинается свобода воли человека. Божественная книга имеет в виду следующее: короли правят по моим заповедям, они повелевают, чтя мой закон. Иначе мы вынуждены были бы сказать, что обязаны божественному промыслу как плохими государями, так и хорошими. Следовало бы склонить голову перед Нероном так же, как перед Титом, перед Калигулой — как перед Веспасиа-

¹ Совершенно очевидно, что Монтескье намекает здесь на Жозефа де Местра, имя которого еще появится далее (примечание издателя).

ном. Нет, отнюдь нет Божьего соизволения на то, чтобы безбожнейший властитель прикрывался его именем, чтобы подлейший тиран ссылался на волю Божью. И народам, и королям Он предоставил право отвечать за свои дела.

Макиавелли

Я сильно сомневаюсь, что ваши утверждения соответствуют ортодоксальной точке зрения. Но как бы то ни было, вы полагаете, что народы пользуются суверенной властью.

Монтескье

Если вы будете оспаривать это утверждение, то рискуете навлечь на себя упреки в противоречии истинам ясного здравого человеческого ума. Ведь это не новость в истории человечества. В древности, в средние века, повсюду, где государственная власть не вводилась путем вторжения и интервенции, суверенная власть возникала из свободного волеизъявления народов, выразившегося первоначально в форме выборов. Например, именно так обстояло дело во Франции, когда основатель династии Каролингов наследовал потомкам Хлодвига, а династия Гуго Капета — династии Карла Великого.¹ Разумеется, далее на место выборов заступило право наследования. Блеск оказанных народу услуг, народная благодарность, традиции дали суверенную власть княжеским семействам Европы, и это был абсолютно законный процесс. Но принцип верховной власти нации не исчез, он был основой революций, на него ссылались, когда нужно было санкционировать передачу власти новому правителю. Потому что это принцип, предшествующий образованию любого государства и существующий до него, принцип, все отчетливее выражающийся в конституциях отдельных современных государств.

Макиавелли

Но если народы выбирают своих правителей, отчего бы им тогда не свергать их вновь? Если они вправе принимать ту форму государства, которая кажется им наиболее подходящей, кто может воспрепятствовать им сменить ее, когда им заблагорассудится? Из ваших слов следует не господство порядка и свободы, а бесконечная череда революций.

¹ *Дух законов. Книга XXXI. Глава 4.*

Монтескье

Вы путаете право со злоупотреблениями, которые могут возникать при его функционировании, принципы — со способом их применения; это вещи, в корне отличающиеся друг от друга, и нельзя прийти ни к какому соглашению, не признавая этого.

Макиавелли

Не думайте, что этим способом вам удастся ускользнуть от меня. Я требую, чтобы вы рассуждали логически. Если вам не хочется, вы ведь можете и отказаться. Я желаю знать, имеют ли народы право свергать с трона своих суверенов согласно вашим принципам?

Монтескье

Разумеется, такое право они имеют, но только в крайних случаях и имея на то серьезные причины.

Макиавелли

А кто будет судить, идет ли речь о крайних случаях и оправданы ли исключительные меры?

Монтескье

Кто же, кроме самих народов! Разве было когда-либо иначе, с тех пор, как стоит мир? Разумеется, это ужасный акт справедливости, но он целителен и неизбежен. Отчего вы не хотите признать, что противоположная точка зрения, согласно которой люди должны чтить и самых ненавистных правителей, всегда будет приводить к воцарению жесточайшей монархии?

Макиавелли

Что-то не так в вашей системе: она предполагает, что разум народов безошибочен. Но разве нет у народов, как у отдельных людей, страстей, разве не совершают они ошибок и несправедливостей?

Монтескье

Если народы совершают ошибки, их ждет за это кара, как людей, нарушивших законы морали.

Макиавелли

Как это?

Монтескье

Их карает бич раздоров, анархия и деспотизм. На этой земле нельзя уповать ни на какую справедливость, кроме божественной.

Макиавелли

Вы только что произнесли слово «деспотизм». Что же, мы опять возвращаемся к нему?

Монтескье

Это возражение недостойно вашего высокого ума, Макиавелли. Я заявил, что готов вывести самые отдаленные следствия из принципов, противником коих вы являетесь. При этом истина уже исказилась. Бог не дал человеку ни власти, ни воли изменять таким образом формы государства, являющиеся основным способом их бытия. Сама природа ограничивает в политических сообществах — наподобие органических существ — тягу свободных сил к распространению. Ограничьте вашу аргументацию тем, что согласуется с разумом.

Вы полагаете, что под влиянием современных идей революции будут происходить чаще. Этого не случится. Возможно даже, что они станут реже. И в самом деле, как вы сказали, народы живут в век промышленности, и то, что вы считаете причиной закабаления, является принципом порядка и свободы. У промышленных культур есть уязвимые места, очень хорошо мне известные, но нельзя отрицать их достижений и искажать их устремления. Общества, живущие трудом, торговлей, кредитом, — это христианские общества по своей глубинной сути, что бы о них ни говорили. Все эти могучие и столь различные формы развития промышленности являются по сути не чем иным, как практическим применением великой нравственной идеи, взятой из христианства, этого источника всех сил и всей мудрости.

Промышленность играет в развитии современных обществ столь значительную роль, что, находясь на тех позициях, на которых пока находитесь вы, нельзя делать точных прогнозов, не учитывая ее влияния;

а это влияние отнюдь не таково, каким вы его представляете. Наука, изучающая условия жизни в промышленном обществе и закономерности, вытекающие из них, категорически противоположна принципу концентрации власти в одних руках. В соответствии с учением о народном хозяйстве, в политических органах видят всего лишь необходимый и очень дорогой механизм, который следует упростить, а роль правительства сводится к столь простым функциям, что, наверно, главным просчетом этого учения является разрушение его ореола. Промышленность — природный враг революций; без социального порядка она погибнет, и на этом завершится живое развитие народов. Она не может лишиться свободы; она может существовать только в условиях свободы и — запомните это хорошенько — свободы в промышленной области предполагают и политические свободы, так что можно сказать: народы, дальше всех ушедшие в промышленном развитии, добились наибольших успехов и в завоевании свобод. Оставьте Китай и Индию, ведущие слепое существование абсолютных монархий, и обратите взор к Европе — вы сами тогда в этом убедитесь. Вы только что вновь произнесли слово «деспотизм». Ну так скажите мне, Макиавелли, вы, мрачный дух, постигший все подземные пути, все тайные комбинации, все уловки законодательства и правления, способные наложить оковы на развитие духа и тела народов, вы, презирающий людей, призывающий на них ужаснейшие формы восточного деспотизма, вы, политическое учение которого заимствовано из отвратительнейших теорий индийской мифологии, скажите мне, пожалуйста, как введете вы деспотическую форму правления у народов, государственное право которых в основном базируется на понятии свободы, мораль и религия которых развиваются в том же направлении, у христианских народов, живущих торговлей и промышленностью, в государствах, политические органы которых подвергаются критике общественности, высказываемой в прессе, той прессе, которая своими прожекторами освещает отдаленнейшие темные закоулки? Дайте волю своей могучей фантазии, ищите, находите, и если вы решите эту задачу, я готов заявить вместе с вами, что современный дух разбит.

Макиавелли

Берегитесь, вы облегчаете мне задачу. Когда-нибудь я поймаю вас на слове.

Монтескье

Пожалуйста.

Макиавелли

Не премину.

Монтескье

Возможно, вскоре нас разлучат. Вам неведома эта местность. Следуйте за мной по этой темной извилистой тропе. Еще несколько часов мы сможем укрываться от толпы, что вы видите там, позади.

Разговор седьмой

Макиавелли

Пожалуй, можно остаться здесь.

Монтескье

Слушаю вас.

Макиавелли

Прежде всего, должен сказать, что вы целиком и полностью заблуждаетесь по поводу того, как применять мои принципы на практике. Деспотизм видится вам лишь в разложившихся формах восточных монархий. Но я понимаю его не так. В современных обществах и методы следует применять современные. Сегодня, когда речь идет о насилии правительства, вовсе не нужно грубо попираť законы, рубить головы врагам, грабить подданных и лишать их собственности, казнить всех, кого можно. Нет, смерть, грабеж и физические пытки могут играть сегодня лишь весьма второстепенную роль во внутренней политике современных государств.

Монтескье

К счастью.

Макиавелли

Должен сознаться, что не отношусь к поклонникам вашей культуры паровых машин и фабричных корпусов. Но можете мне поверить, я не отстаю от времени. Притягательность учения, носящего мое имя, в том и состоит, что оно годится для всех времен и ситуаций. У Макиавелли есть сегодня последователи, понявшие ценность его учения. Меня считают одряхлевшим, но в любой день на этой земле ко мне вернется юность.

Монтескье

Вы смеетесь сами над собой?

Макиавелли

Послушайте меня, а потом уж судите. Сегодня в меньшей степени речь идет о насилии над людьми, в гораздо большей необходимо разружить их, приглушить, а не заглушить их политические страсти, не бороться с инстинктами, а ввести их в заблуждение, не предавать идеи анафеме, а направить их в другую сторону путем присвоения.

Монтескье

Что вы имеете в виду? Мне это неясно.

Макиавелли

С вашего позволения, это был лишь теоретический аспект политики. Сейчас мы перейдем к ее практическому применению. Главный секрет искусства управлять состоит в ослаблении общественного духа до такой степени, чтобы его больше вообще не интересовали идеи и принципы, на основе которых вершатся революции. Во все времена и люди, и народы были падки на слова. Им почти всегда хватает видимости. Больше они ничего не желают. Поэтому можно создать соответствующие потребностям институты, приспособленные к способу выражения и ходу мысли, которые в свою очередь ориентированы на потребность. Нужно обладать талантом, усваивать свободолобивые речи всех партий, которые они используют в борьбе с правительством. Нужно накормить ими народы до пресыщения. Сегодня так часто говорят о власти общественного мнения. Я покажу вам, как можно заставить это общественное мнение говорить все, что захочешь, если познать скрытые пружины

этой власти. Но прежде чем управлять общественным мнением, его нужно смутить, сбить с толку ошеломляющими противоречиями, беспрестанно отвлекать его, слепить всяческими сенсациями и незаметно увести с пути истинного. Один из главных секретов нашего времени состоит в том, чтобы пользоваться предубеждениями и страстями народа для смешения основ, делающего невозможным всякое взаимопонимание между людьми, говорящими на одном языке и имеющими общие интересы.

Монтескье

Что имеете вы в виду, говоря столь непонятно, но пугающе?

Макиавелли

Если бравый Монтескье хотел заменить политику моральным чувством, то мне следует умолкнуть. Я не намеревался вторгаться в область морали. Вы потребовали, чтобы я прекратил в ваших обществах постоянные помехи развитию со стороны духа анархии и мятежа. Не будете ли вы любезны объяснить, как мне решить эту задачу? Вы можете не угрызаться совестью и рассматривать мои рассуждения как чисто теоретическое удовлетворение вашего любопытства.

Монтескье

Хорошо, согласен.

Макиавелли

В общем, я могу понять, почему вы требуете от меня более ясного изложения. Постараюсь это сделать. Но прежде позвольте назвать вам те существенные предварительные условия, которые дают сегодня государю надежду на укрепление его власти. Прежде всего, ему следует задуматься об уничтожении всех партий, роспуске всех влиятельных организаций и нейтрализации индивидуальной инициативы во всех проявлениях. Тогда число людей с сильным характером, само собой уменьшится, и замрут все силы, способные противиться порабощению. Абсолютная власть станет не напастью, но потребностью. Эти политические правила, как я уже сказал, не новы, их только нужно употребить в дело. Очень многих из этих целей можно добиться путем нескольких несложных распоряжений в полицейской и административной областях.

В ваших столь прекрасных, столь хорошо организованных обществах вы заменили абсолютную монархию монстром под названием «государство», новым Бриареем, сторуким великаном, руки которого достают до всего, неслыханной тиранической организацией, под сенью которой деспотизм будет возрождаться вновь и вновь. Если призвать это государство на помощь, то не будет ничего проще завершения тайного дела, о котором я только что толковал, а самыми действенными средствами его осуществления будут те самые, что используются промышленными режимами, которыми вы так восхищаетесь и у которых они будут заимствованы.

Исключительно законным путем я создам, к примеру, финансовые монополии, средоточия народного достояния, от которых столь непосредственно будет зависеть судьба всех личных состояний, что в первый же день после политического переворота они растают так же, как государственный кредит. Вы экономист, Монтескье, так оцените же сами силу этой идеи. В качестве главы правительства я подчиню все свои указы и распоряжения той же цели: уничтожению коллективных и индивидуальных органов власти, увеличению роли государства до бесконечности, возвышению его до суверенного защитника, покровителя и благодетеля. А вот другая мысль, также позаимствованная у государств с развитой промышленностью: в настоящее время аристократия как политическая сила сошла со сцены. Но крупная земельная собственность продолжает оставаться одним из основных источников сопротивления, могущего быть опасным правительству, если он сохраняет независимость. Таким образом, возникает государственная необходимость ослабить его или сокрушить полностью. Для достижения этого достаточно повысить налоги на земельную собственность, поставить сельское хозяйство в бедственное положение, покровительствуя при этом торговле и промышленности, а в особенности спекуляциям; слишком пышный расцвет промышленности тоже может стать опасен, поскольку способствует образованию слишком большого числа независимых состояний.

Против крупных промышленников-фабрикантов следует бороться, вовлекая их в предприятия, не имеющие никакого отношения к их доходам, повышая заработную плату и совершая продуманные нападения на основы производства. Я не буду развивать эту мысль. Вы и так хорошо знаете, при каких обстоятельствах и под какими предложениями все это легко осуществимо. Интересы народа, даже выступления в защиту его свобод, в защиту великих принципов экономики с легкостью, если

нужно, замаскируют подлинные цели. Можно не добавлять, что постоянная поддержка государя армией, закаленной во внешних войнах, способствует совершенствованию этой системы. Дело следует довести до того, чтобы в государстве остались только пролетарии, несколько миллионеров и солдаты.

Монтескье

Продолжайте.

Макиавелли

Это то, что можно сказать о внутренней политике. Что касается внешней, следует поддерживать во всех концах Европы революционное брожение, подавляемое в собственной стране. Выступления в защиту свободы за границей отвлекают внимание от угнетения в собственной стране. Кроме того, в поле зрения попадают все другие державы, в которых можно по желанию то поддерживать порядок, то вызывать беспорядки. Главное — путем интриг так перепутать все нити европейской политики, чтобы стравливать друг с другом державы, с которыми приходится иметь дело. Вы ведь не думаете, что такая двойная игра, если она хорошо ведется, может повредить суверену. Александр VI в своих дипломатических переговорах никогда не исходил ни из чего, кроме обмана, и всегда имел успех. Он прекрасно знал искусство лицемерия.¹ Но то, что вы сегодня называете официальным языком дипломатии, должно быть совершенно иным. Нужно быть, насколько возможно, более лояльным и предупредительным. Народы, принимающие внешность за чистую монету, и после смерти будут славить государя, умеющего вести себя подобным образом.

На всякие беспорядки внутри страны он должен уметь ответить войной с заграницей, на всякую грозящую революцию — всеобщей мобилизацией. Но поскольку в политике слова никогда не обязаны совпадать с делами, государь должен быть достаточно ловким, чтобы в любой ситуации скрыть свои истинные намерения за прямо им противоположными. Всегда должно казаться, что только под давлением общественного мнения он соглашается на то, что давно уже подготовил.

Можно подвести итог одной фразой: революция сдерживается путем введения всеобщего военного положения самим государством — с од-

¹ *Макиавелли. Государь. Глава XVII.*

ной стороны, из страха перед анархией, с другой — из боязни наступающего после революции государственного банкротства.

Уже по тем коротким намекам, к которым я прибегал, вы должны понять, сколь велика роль искусства живого слова в современной политике. Я, как вы еще увидите, далек от того, чтобы презирать прессу, но в случае необходимости смогу воспользоваться и трибуной оратора. Главное в том, чтобы повернуть против противника все те средства, что он может направить против нас. Я не удовлетворюсь опорой на могучую силу демократии, но позаимствую у хитроумной юриспруденции все ее уловки. Если предстоит принимать решения, которые могут показаться неоправданными и легковесными, то важно уметь объявить о них пышными словесами и подкрепить их возвышеннейшими соображениями морали и права. Таким образом, вы видите: власть, о которой я мечтаю, никоим образом не сопряжена с варварскими манерами. Она должна использовать все возможности и таланты культуры, в которой мы живем. Она должна окружить себя журналистами, адвокатами, учеными, юристами, практиками и администраторами, то есть такими людьми, которым до тонкости известны все тайны и движущие силы социальной жизни, которые говорят на всех языках, которые знают людей любого круга. Их нужно искать повсюду; такие люди оказывают удивительнейшие услуги, используя в политике свой острый ум. Кроме того, необходимо создать штаб из управляющих, банкиров, промышленников, капиталистов, изобретателей, математиков; ибо все сводится к арифметике.

Что до высших государственных должностей, главных участков власти, нужно обеспечить, чтобы их занимали лишь такие люди, характер и предшествующая жизнь которых резко и бесповоротно отделяли их от других людей, чтобы каждого из них при смене правительства ожидала только смерть или изгнание, вследствие чего он был бы принужден защищать существующее положение до последнего вздоха.

Представьте же себе теперь, что в моем распоряжении все те материальные и духовные средства, которые я вам только что перечислил, и дайте мне какой-нибудь народ. Вам понятно? Ведь одно из основных положений вашей книги о духе законов¹ заключается в том, что нельзя менять характер народа, если хочешь сберечь его исконную силу. Дайте мне не более чем двадцать лет, и я полностью изменю

¹ *Дух законов. Книга XIX. Глава 5.*

неукротимейший характер любой европейской нации и подчиню ее тирании, как какой-нибудь мелкий азиатский народец.

Монтескье

Вы использовали еще одну главу вашего сочинения о государе, чтобы посмеяться над самим собой. Как бы ни обстояло дело с вашим учением, я не хочу дискутировать о нем. Я ограничусь одним замечанием: вы ни в коей мере не сдержали данного слова. Применение всех этих средств предполагает наличие абсолютной власти, а я просил вас точно сказать, как вы обоснуете абсолютную власть в политических объединениях, основывающихся на либеральных институтах.

Макиавелли

Ваше порицание вполне справедливо, и я не намерен уклоняться от него. Это было всего лишь вступление.

Монтескье

Возьмем государство, основанное на представительской системе правления, республику или монархию. Я говорю о народе, давно знакомом со свободой, и спрашиваю вас, каким образом вы вернете его к абсолютизму.

Макиавелли

Нет ничего проще.

Монтескье

Посмотрим.